

I
Яблоки

Прошлое

Серафима сидела в лоджии своего выходящего в поле, затем в лес дома и резала яблоки на сушку. Резала, а сама подставляла лицо ласковому, разлитому, как мёд, в воздухе сентябрьскому солнцу. Ветерок задувал с поля сильный запах начинающих сохнуть трав, к которому примешивался дух нагретых на солнце яблок. И всё это приводило Серафиму в замирание — нож застыл в руке — в замирание и слух. Слух вовнутрь. Она слышала, что нечто подобное с ней когда-то уже было, но где, когда? Это «нечто» уже чётко обозначило свои углы, но на нём ещё было накинуто белое покрывало времени и забвения. Серафима отгрызла яблоко — тёплый сладкий сок брызнул по нёбу и под язык — покрывало спало: она вспомнила.

Волгореченск, кто знает такой город — Волгореченск?

А вот однажды Серафима, устав от городской толчеи, которая забралась в нутро, стала толкаться в голове, руках, ногах, села на автобус любого направления с автостанции на Щелковской и поехала.

Проехала Волгу, Кострому, Иваново, часов через шесть-восемь, когда ехать стало невмочь, сошла, не доезжая ни до чего: просто так попросила остановить автобус посреди дороги, за которой шло дикое, в бурьянах поле, село, пригорок, церковь. Вышла и побрела прямо по травам, подобрав длинную, выше себя суковатую палку, на которую стала опираться как на посох. Кажется, на пути протекала речка, и надо было переправиться через неё, чтобы попасть в село по названию — дай бог памяти — Сидорское.

На завалинке у довольно крепкой избы сидела старушка. Землистые, мешкоподобные одежды и белый, ослепительно белый платок. Она недоверчиво смотрела на Серафиму, нездешнюю, ничейную.

— Здравьете, — поздоровалась Серафима.

— Шастают тут... Здравьете. Небось, иконы пришла спрашивать, выменивать на колбасу, — налегая на «о», проворчала старушка.

— Какую колбасу? — опешила Серафима. — Во-

Маргарита
СОСНИЦКАЯ

Московская область

ТРЕЛЬЯЖ
ВРЕМЕНИ

новелла

ды хотела напиться... и узнать хотела, где тут на ночь можно устроиться.

Старушка обеими руками бойко поправила платочек и ещё более подозрительно качнула головой:

– Воды? Раньше-то мы уступали иконы – художники, сказывали, в ученье. А батюшка, – она повернулась к церкви и быстро перекрестилась, – не велел. Продают они, сказывает, иконы. Мы на них лоб крестим, а вы продаёте!

Серафима оглянулась: кто эти «вы»? Но никого рядом не было, да и поодаль тоже. Нигде ни души, ни голоса. А в Москве...

Серафима отогнала призрак хаоса и лязга.

– Да нет, я – правда, воды.

– Вон колодец, пей – не жалей.

Колодец был в двух шагах. Серафима вытащила воды и хлебнула прямо из ведра – зубы ожёг студёный холод. Закрывает колодец крышкой из почерневшего дерева, взяла палку, пустилась было в путь. Увидела краем глаза: старушка машет рукой – подзывает. Серафима подошла.

– А ночлег-то, – шмыгнула старушка, – в Волгореченске. Там гостиница на площади, – рукой показала, как идти.

В гостинице Серафима устроилась без труда. На одной половине её постоянно проживали семьи с детьми, дети носились по коридору; другая половина, для командированных, пустовала. Серафима оставила свой нехитрый багаж и пошла вдохнуть дым Волгореченска – на зуб попробовать, что это за фрукт такой.

Он оказался новостройкой, в Москве бы равнялся одному Орехову или Отрадному. Всю красу его и составляла что площадь, а Серафима неожиданно-негаданно оказалась в самой центральной гостинице.

У бабульки, торговавшей из ведра прямо на тротуаре, за копейки купила яблок – крупных, неказистых, с чёрными крапинками, кривобокими и зелёных. Сунула в карман, сквозь платье услышала кожей, какие они горячие. Пошла к себе. Солнце начинало садиться, теплота и его румяный свет были разлиты в воздухе, ветер доносил с полей, окружавших городок, свежий, бодрящий запах трав. Серафима надкусила горячее яблоко-дичок, оно оказалось кисло-медовым; такого она не ела с детства.

На углу площади горел красный светофор, ре-

гулируя сложное движение перекрёстка. Серафима остановилась. И прямо напротив неё затормозил серый фургон с решёткой на окне. В окно смотрел человек – парень. Стрижка ёжиком, куртка мешком. Смотрел на небо. Лицо его было землистым, а глаза зеленоватыми, как яблоко в руках Серафимы, и в глазах сквозила грусть. Он опустил их, и взгляды его и Серафимы встретились. Человек не улыбнулся, не ухмыльнулся, но взглядом сказал ей, что он потерял счёт дням в неволе, теперь его везут неизвестно куда и что он не видел и не увидит улицы, фонарей и вот таких, как она, с яблоком, ещё тысячу лет. А если бы это было возможно, он полюбил бы её на всю жизнь и за неё бы умер. Серафима тоже взглядом, немного ошарашенным, ответила, что она поняла и готова.

Всё длилось несколько мгновений.

Светофор моргнул третьим глазом. Серафима встrepенулась, хотела протянуть яблоко за решётку, но фургон фыркнул, рванул, и она не успела.

Потом она лежала в номере на койке, слушала, как дети гоняют по коридору, играя в индейцев, как перекликаются их матери, и думала, думала об этой встрече, об этом взгляде, о том, зачем она сюда приехала и что её взгляд сфотографировал на груди парня светлую нашивку с номером. Вот только цифры вышли нерезко, неразборчиво.

Она долго помнила эту встречу. Потом забыла.

А сегодня так же, как тогда в Волгореченске, садилось солнце, пахли яблоки и трава, долетел его дым, и она вспомнила.

Прошло десять, пятнадцать лет с тех пор? Где он теперь, парень из-за решётки? Как его звали?

Н.В. Этот рассказ появлялся на страницах российской прессы в девяностые годы.

II

Шахматный контрданс

Настоящее

В Доме Булгакова, альтер эго нехорошей квартиры, вот уже неделю, как на двери салона висела дурманящая афиша-плакат с изображением незнакомки в розовошёлковом

платье фасона в стиле модерн, он же либерти, он же югендштиль эпохи золотого Серебряного века. В кулачке, обтянутом бело-розовой перчаткой, незнакомка сжимала на груди бело-розовую меховую накидку, пальчиками другой руки касалась перил лестницы из красного дерева с дивно резным флореальным орнаментом, а над головой её красовалась в тон лестнице дивно резная люстра, с неё же свисала кисть из шёлка цвета неспелой вишни в тон платью. Надпись на чёрном фоне плаката гласила: «Вечер Маргариты «Шахматный контрданс» в Литературной гостиной 08.08 в 18.00. Дом Булгакова, ул. Большая Садовая, 10, в арку и налево, 1 этаж».

Публика постепенно собиралась: начиналась она с хозяйки гостиной — в причудливом наряде дамы, у которой рано начался тот драгоценный возраст, когда человек уже накопил богатый опыт и может пользоваться его плодами; дама бурно обсуждала проекты и планы литературных кампаний с броской старушкой из Парижа. За столиками в просторном салоне, разделяемом на две части бархатными кулисами, места заняли две полусветские дамочки навеселе, которым явно недоставало острых ощущений; знойный мужчина мелеховского типа (а Григорий Мелехов внешностью отдалённо напоминал Николу Теслу); монументальный старик, так и не выбравшийся из футляра сталинизма — на ту пору припало окончание его детства и юность; к ним прибавились завсегдатаи Литературной гостиной — часть её ландшафта: пара поэтесс, критиков, поэт из глубинки, музейщица в камуфляжной форме с орденами; у стены условной сцены кто-то залётный наигрывал на старом чёрном фортепиано, на котором возлежал плюшевый чёрный кот, — всего человек двенадцать. Гости негромко переговаривались, то там, то здесь вспыхивал смех за столиками, сервированными факсимильными чайными сервизами стиля модерн, фигурными сахарницами с рафинадом, вазочками с выпечкой в форме статуэток Рене Лалика и буковок Эрте — Романа Тритова, да ещё в форме зеркал Лейендекера, американского немца, чья иллюстрация была процитирована плакатной афишей вечера. Чай, кофе и иже с ними отпускалось миловидной брюнеткой с широкой лентой вокруг головы в буфете у противоположной сцене стены, завершавшей пейзаж гостиной

с котом. Броская старушка из Парижа удалилась по неотложным делам, вероятно в Париж.

Публика уже собралась, когда в подъезд вошла и стала подниматься по лестнице Маргарита — автор и героиня вечера, а также сего повествования, излагаемого ею в третьем лице. На Маргарите было облегающее атласное платье цвета афишной лестницы, на шее — бархатка цвета шёлковой кисти, свисавшей с люстры на той же афише, перстень же, воспетый ею в стихах («В топазе солнце ношу с собой»), подходил к любому наряду, в том числе к длинным чёрным перчаткам, на которые был надет. Через руку были перекинута шёлковая сумочка и летний мутно-бежевый пыльник.

За ней на парадную лестницу проскользнул коротко остриженный человек без лица в серо-коричневом костюме неопределенно-среднего роста. Маргарите померещилось, что от бронзовой статуи Дон Кихота, больше похожего на Мефистуфеля-трюфеля, но никак не —тофеля, стоявшей на лестнице, отслоилась и метнулась тень. Маргарита оглянулась, тень мгновенно скосила шаг в сторону, оказавшись у неё за спиной, и выпала из поля зрения. Маргарита стала перешагивать через ступеньку.

В гостиной радужной улыбкой её встретила хозяйка, она же литературная мадонна:

— А вот и предмет нашей встречи! — звонко объявила она. — Начинаем вечер!.. Поприветствуем нашу Маргариту!

Та передала ей пакет:

— Тут мои книги...

Они были расставлены на фортепиано рядом с чёрным плюшевым котом.

Раздалось два-три хлопка, Мелехов-Тесла извлёк из чёрного пакета три ириса и преподнёс Маргарите, она бегло улыбнулась, положила цветы рядом с книгами. Бархатные кулисы были сдвинуты неплотно — так, чтобы любой из посетителей буфета мог принять участие в мероприятии. Литмадонна драгоценных лет на одном дыхании, без пауз пустилась перечислять канувшие в Лету заслуги виновницы вечера. Лета, ах, Лета, Лета красная, будь со мной!..

— Дорогая! — судорожно сжала руки Маргарита. — «Я» — последняя буква в алфавите, сама знаешь. Но другое почти занято: раньше в азбуке её вовсе не было и замыкала ее буква Ижа. Я — это бы-

ло Азь и стояло в буквице на первом месте. Азь есмь свет, ведь для каждого мир начинается с самого себя. Посему Азь и иже с ним без разбега перейдём к шахматному контрдансу, — и Маргарита бросилась в тему, как парашютист в люк самолёта: — В начале XX века в Российской империи произошёл шахматный всплеск. Это был эффект деятельности гениального Александра Алехина. Он, как Владимир Набоков, был выходцем из семьи миллионщиков, потом в десять лет переболел менингитом — сравните это с эпилепсией Достоевского. Знаменитое выражение Декарта «Je pense, donc je suis», бишь «Я мыслю, значит, существую», в случае Алехина можно перефразировать: «Я играю в шахматы, следовательно, существую». Впрочем, что есть игра в шахматы, если не мышление в чистом виде? Алехин стал первым русским чемпионом мира по шахматам. А победа его над непобедимым Капабланкой была не только плодом гениальной блиц-игры, но и кропотливого труда и работы по усовершенствованию техники игры, о которой он написал книги. Знаменита его победа на турнире вслепую с тридцатью партнёрами. Думаете, случайно Остап Бендер устраивал сеанс одновременной игры? Мода и интерес на шахматы возросли до звёзд. Как видим, он затронул и мир литературы, на которую повлиял больше, чем кажется на первый взгляд. Известные «Двенадцать стульев» были написаны в 1928 году, когда король смеха Аркадий Аверченко уже три года как отдыхал душой на небесах, а телом — на пражском кладбище. Отдыхал, не закончив свой последний, менее известный, чем «Двенадцать стульев», роман «Шутка Мецената». Но вслушайтесь в эти строки, — Маргарита, не прерываясь, одним движением извлекла из сумочки шпаргалку. — Один из героев Аверченко, шахматный Кузя, обыгрывает другого, Мецената, в самой древней игре и даёт совет: «Не играйте так азартно с незнакомыми», — зачитала цитату Маргарита и обвела взглядом аудиторию, ожидая эффекта сказанному; засекала присутствие-отсутствие странного человека в просвете кулис, вздохнула, — и становится совершенно ясно, откуда произошло название первой главы в культовом романе о Маргарите: «Никогда не разговаривайте с неизвестными». И далее повествование о Мастере раскладывается по схеме романа о Меценате, начиная с первой страницы.

— То есть, — прервала Маргариту музейщица, — ты хочешь сказать, что Михаил украл у Аркадия мысль?

— Нет! Ни в коем случае. Но дослушайте! Та-а-ак... — перевернула она страницу. — «Хотите, сыграем в шахматы? — нерешительно предложил Кузя» в первой главе Меценату. И далее советует Меценату: «А возьмите у меня коня». И когда Маргарита прибывает на бал сатаны, он, Мессир, играет с котом в шахматы. И именно коня, которого Кузя советовал взять Меценату, Бегемот ищет под кроватью. «Коня не могу найти, — задумчивым и фальшивым голосом отозвался из-под кровати кот, — ускакал куда-то, а вместо него какая-то лягушка попадается».

И тут кот, оказавшийся не плюшевым, а настоящим, будто понял, что заговорили о нём: проснулся, выгнул спину, прыгнул с фортепиано и направил свои лапы под стульями в сторону буфета. Публика оживилась.

— Зачем ты нам роман читаешь? — искренне удивилась шикарная дама навеселе. — Мы его разве не читали! Оскомину набил в мозгах, давай чёй-нить свеженькое!

— Да-с! — поддержала ее приятельница. — С-своё не с листа-с, плыс-с-с!

— Шас-с! — отмахнулась Марго. — Свеженькое вам? С сего 2019 года уроки шахмат включены в школьную программу. То есть снова, плюс-минус через сто лет, пошла волна шахматного всплеска! Но дайте мысль закончить. Я быстро! Про ход конём! Межроманный! — и скороговоркой продолжила. — И так, бишь «Коня не могу найти...» Почти репликой сему далее звучит фраза Аверченко: « — Давайте коня, — после некоторого колебания согласился Кузя и... выиграл и эту партию»... То есть партию выиграл Булгаков у Аверченко, потому что роман о Мастере — культовый, стал мировой классикой на полках всех книжных магазинов мира и достиг стадии фольклора на родине, а роман о Меценате — в тени, эмигрантский, значит, изгнаннический, широкой публике не известный...

— Нет-с, извините, любезнейшая, — остановил её реликт сталинской эпохи. — Вы изволите утверждать, так сказать, что Булгаков не спросясь взял идею у Аверченко?

— Как он мог спросить? Аверченко к тому времени уже не было! — удивилась Маргарита.

Следом подал голос Мелехов-Тесла:

— А я ещё раньше заметил: все Азазелло и в особенности Коровьевы — прям родные братья аверченковских клеветов Кузи, Новаковича, а главный образец булгаковских типажей — воришка Образцов.

— Аверченко Булгакову в стельки не годится! — и мелеховцу от весёлой дамочки прилетел в образ кубик сахарного рафинада.

— Это вы зря! — обрадовался он и запустил в ответ три кубика. — Одно дело — писать с чистого листа, и совсем другое — взять готовых героев коллеги и раскрасить!

— Коллеги — калеки! — резвилась приятельница шикарной дамы, сама, впрочем, не менее шикарная и хмельная.

— Да я не про то! — повысила обертону Маргарита. — И «гения чистой красоты» Александр Сергеевич позаимствовал у Жуковского! И ничего! И вышло совершенно прекрасное независимое стихотворение!

— И в честь его 220-летия аэропорт назвали! — поддержал её реликт. — Шереметьево теперь носит имя А.С. Пушкина!

— А в честь Жуковского давно назвали! — скорчила ему гримасу шикарная дама!

Сахарные кубики и печенье перемещались по салону неопознанными летающими объектами.

Человек-тень смотрел из-за кулисы на происходящее, покачивая головой, будто говорил: «Вот тебе на... Это ж надо... И это люди, как люди... в столицах...»

— А Алёхина грохнули в «Эшториле»! — прокричал кто-то не мужским, не женским голосом.

— «Эшторил»? Это ж Астрея! — удивился знойный мелеховский тип. Он был писателем из Молдавии и легко раскодировал слова романской группы.

— Да это ж ложа такая, — удивленно пробормотала Марго, и ей прилетела на губы ложка малинового варенья. — Она расхоталась и облизнула его. — Хорошо не в глаз... Господа! — прокричала она неожиданно зычно, перебив шумиху сей ученой дискуссии:

— *Обожаю длинные перчатки*

Стаскивать я с мраморной руки!

Этот жест порой страшней взрывчатки

Для сердец доверчивых мужских!!! — перешла она к поэзии не с листа.

И вовремя — в салон уже было вбежали портье и администратор, да остановились на пороге.

— Оба-на! — застыл человек, верный лучшей эпохе своей жизни — эпохе сталинизма. — Взрывчатка — это по-нашему.

— По понятиям, — пробормотал человек-тень.

Марго разошлась, даже окрылилась:

— *Обожаю быть благоуханной*

Облаком сиреневых духов

И в январском воздухе крахмальном

Топнуть резвым каблучком.

— Конфетки-бараночки! — запели шикарные приятельницы.

— Словно лебеди, саночки, — поддержала публика.

А хозяйка вечера подняла крышку пианино и наиграла мотив так, что запели все:

— *Ой ты, тройка удалая, слышна песнь ямщика.*

Гимназистки румяные, от мороза чуть пьяные,

Грациозно сбивают рыхлый снег с каблучка!

— А ещё до полусмерти любо, — перехватила инициативу окрылённая Марго: —

Заливаться томным, дерзким смехом!!!

И скрывать от поцелуев губы

Огнелись жарким мехом!!!

Ей хлопали чистосердечно:

— Bravo! Хотя налево, хоть направо — bravo!!! — отпуская шутки тот, из «Тихого Дона». — Bravo!!

— Bravo! — поддержали все.

Благодаря тому Маргарита смогла довести вечер до конца в нормальном режиме. Прочитала она также романс-новеллу «Певица пела», «Катание на красном рояле», пару стихотворений в память о Николае Гумилёве, первом поэте XX столетия, да ещё свои «Танцы на кратере вулкана».

— Я ж почему выбрала стиль вечера — модерновский: молодость Булгакова, Аверченко и их героев припадала как раз на расцвет этого стиля. А сейчас постмодерн. А между ним было с виду постсеребро, а по сути — свинцовая эпоха, то есть эпоха свинца, свиней и свинга.

Кто-то засвистел, останки печенья полетели в Маргариту:

– Да это же ради красного словца!.. Звукоскопи ради!

Полетели и непременно попали бы ей в обзор, если бы чья-то железная рука жёстко не сжала её запястье и не поволокла из этой славной нехорошей квартиры.

– Азь главное не сказала! – на бегу вопила Маргарита, размахивая сумочкой и заметив, как статуя Дон Кихота ей мефистофельски усмехнулась. – Аверченко предложил Булгакову сыграть в шахматы, и весь его сверхкульт-роман – это их партия в шахматы! Партия литеры... литературы... лит...эры...

III

Ход конём в яблоках

Четверть века спустя

Маргарита плюхнулась на скамейку рядом с человеком-наручником в сквере Театра сатиры, почти в двух шагах от булгаковских пенатов. Он отпустил её запястье, и оба облегченно вздохнули.

– Короче, – заговорил он придушенным голосом... – Я тут... того... короче... «Яблоки» помнишь?

– Какие яблоки?! – ещё была на взводе, на крыльях декламации Маргарита.

Человек ухмыльнулся:

– Марго, – достал из кармана пожелтевшие странички и протянул ей, – ты ж писателька.

Она взяла:

– А-а-а... Поняла. Да, рассказ помню... Волгореченск...

Человек оживился, заиграл туловищем:

– Точно, Марго... А чем там дело того... кончилось?..

Упавшая звезда вечера пожала плечами:

– Да ничем...

– Э-э-эх... ничем. То-то... Расскажу я, каким таким ничем. Чтоб знала, что такое ничто.

Маргарите стало интересно. Она внимательно посмотрела на незнакомца – лицо его озарилось и помолодело. Он рассказывал, как взял со свалки на растопку связку старых журналов. Хорошие журналы, самые лучшие, хорошо горят. Оторвал партию страниц – и глаз сфотографиро-

вал: «красный светофор... Серафима остановилась. И прямо напротив неё затормозил серый фургон с решёткой на окне. В окно смотрел «человек – парень». Он бросил листки в огонь, но – опа! – дошло, и стал выхватывать бумагу из топки. В голове застрекотало, завертелось, как на счётчике такси... «И это такси отвезло меня... дык... почти на двадцать пять лет назад... А ты не видела тогда себя на светофоре. Солнце тебя одело, глаза твои, как зелёная вода, от него играли. Вся стояла такая, светилась. Яблоко в руке... рядом грудь – сама яблоко... Не только учёный разглядывает букашку в микроскоп, но и букашка его глаз... снизу... огромный, плавает в линзе. Я тогда понял, что ты... или как там, Серафима, отдала б мне яблоко, кабы успела! Секунды не хватило! А ночью на нарах мне снилось, как ты протянула... подала мне руку!! Отдала яблоко, краснобокое, наливное. Я беру яблоко, во сне, а ты дохнула на решётку, и она открылась – я, ахти, на воле! Воля! Мать моя родная! Мы бежим с тобой по полю, чтоб я так жил! Поле в ромашках... Ты кричишь: «Не выродок, а вродок!» Смеёшься. И снилась так всегда, как совсем того, ххх...ррр...шо было. Гладила то ли рука твоя, то ль ветерок по голове, и голос шёл: «Сердечный мой вродок...» – он ухмыльнулся. – Журналишко уже был в клочья, но фамилия твоя сбереглась! И имя, имя... Марго! Не представлял... Сто имён тебе подбирал – все не то. Сто десять! Яблоней прозвал. А ты – яблоня Маргарита. Вывести б такой сорт... Ну, я с твоим именем – да в «паутину»... А ты там звезда... паутиновая... Сайт, флайер, презентация – вся на ладони!

Маргарита озябла, накинула пыльник:

– Я тоже тебя долго помнила, – голос её дрогнул. – Пыталась представить, за что тебя, на сколько? Как-то не верилось, что ты с таким взглядом – небесным – злодей, мерзавец. Взгляд у тебя был чистый. Иначе б рассказ не написался.

– За что, на сколько? – собеседник искривился. – Да ни за что, как обычно. Отчим к сестре полез... я его пёрышком¹ и пощекотал.

– Перо – и моё сильнейшее оружие, – смозила Марго.

– Да, оружие, – скосил на неё взгляд как на дурочку собеседник. – Да моё перо-то – финский нож.

– Извини! – схватила за лоб Марго. – Жар гонит!

– То-то, гонит жар. Меня погнал в места не столь отдалённые... Молодого, горячего погнал. Ну-да, так – не так – не перетакать. Короче...

Он достал из нагрудного кармана пиджака пачку вроде банкнот в серой бумаге и положил Маргарите на колени:

– Держи. На привар.

Она пальчиком в чёрной перчатке приподняла серую бумагу: действительно, это была пачка пятидесяти тысяч купюр.

– Да что вы! Да как же?! – всполошилась Маргарита, в голове её пронеслась романная сцена в варьете, когда дамочкам на сцене раздавали наряды нэповского гламура. Да и Патриаршие пруды тут рядом, ареал тех действий... – Нет, нет, не могу!

– Ну чё ты выпендриваешься? Кралю строишь? Вечер, небось, за спасибо провела. Да спасибо и не услышала. А ведь фраерилась, ехала... Сколько тебе сюда тащиться?

– Полтора часа.

– А-а! Так ты ещё за городом... Не сахар. Итого три часа. На машине?

Маргарита покачала головой.

– Ага, – понял он, – в общественной скотовозке... Ты, Марго... – он затолкал пачку пятидесятичерублёвок ей в шёлковую сумочку, – в платье козырном, а закамouflировалась потёртым клифтом²... Другого нет?

– На эту погоду нет. Вечером прохладно.

– Во! И журнал «Дон» – честь ему и слава – напечатал про меня... Я в том злободневном фургоне проехал не по Волгореченску – по литературе, в натуре! В фургоне с решёткой! Но журналец тошненький, копейки, небось, не отстегнул?

– Небось.

– А такая краля, по понятиям, в шелках парчовых, в рыжье³ должна вышивать. А у тебя, – поддел ногтем бархатную ленточку у Марго на шее, – тряпица! Я понял, пока смотрел на тебя за шторой, эта ала-бала, поэзия – тебе наркота, каннабис⁴, в натуре. Но на наркоте бабла надо немерено! Я тебе заказ делаю! Ты из ничего мелодраму моей жизни сделала, а теперь моё явление на приключения мушкетёров раскатай. А кто заказывает – тот платит!

– Но я ж ещё не...

– Да сделаешь. Не может наркоман без наркоты. Ты их заработала, – он похлопал по шёлку сумочки. – Хватит за «извините-подвиньтесь» спасать красоту, мир, литературу. Бабки тебе в ферзи выйти помогут.

– Боже, у меня даже книжки при себе не осталось вам подарить, – огорчилась Маргарита.

– Не вам, а тебе – раз. А книжки отдала опять же за так – два. И издала, небось, за свои... из тех, что на шпильки. Ты меня спасла. Женщина моей жизни. Низкий поклон тебе за рассказ, за любовь в нём. Любовь есть чудо. Никогда не ошибка. Может и того... обернуться бедой. Я тебе по гроб обязан... Ты во мне человека спасла. Не спрашиваю даже, замужем ли... Моя ж – по-любому... Знать не хочу – ты ж моя. Но пришла, уходишь одна. Никто не встречает. Да и для такой где герой? В ваших книжках? У меня поезд. Ты такси возьми.

– Как тебя хоть звать? – спохватилась она.

– Яблочный. Позывной – Яблоко. Я тебе на сайт напишу. Или туда, куда все пишут... оперу...

– Фейсбук?

Яблочный кивнул.

– Секундочку, – Марго вырвала из записной страницу и быстро записала, – телефон мой, адрес электронный...

– Визитки нет, – прокомментировал Яблочный. – Не на что сделать.

– Просто даю автограф... Это сегодня оригинально, – взмахнула она, как сказал бы поэт, своими бабочкообразными ресницами.

– Выкрутилась, писателька, – усмехнулся Яблочный, и Маргарита увидела, каким он был в детстве. Прочитал записку и порвал на мелкие клочки. – Чтоб без улик. Когда-нибудь позвоню. «Когда-нибудь я вовсе никогда» не уйду.

Марго вопросительно взметнула брови.

– Кажется, так поёт твой кореш, – ответил Яблочный. – Ты его разрекламировала на сайте.

– Да, Дима Чернущ. Его все недооценивали при жизни, но как можно было его оценить? Ведь он сам называл свою жизнь недоговоренной. А оценили, как водится, потерявши.

Яблочный встал, постучал пальцем по лбу:

– Башка на что? Лучше шпаргалок и компьютера. Я всё запомнил. Теперь точка, – наклонился к сидящей Маргарите, взял руку в перчатке, прижал к губам. – Будь.

Решительно развернулся и растворился в поздних августовских сумерках.

*P.S. Стихи, прочитанные
на вечере «Шахматный контрданс».*

Новелла

*Певвица пела, косноязыча,
Грассируя, закутываясь в шаль,
О том, как музыке училась на отлично
И с музыкантом вздумала бежать,*

*Как с ним под скрипку чисто пела
На улицах и площадях
И дама в платье длинном белом
Им серьги в шляпу сняла с себя.*

*А утром солнечным проснулась —
Но где же скрипка и музыкант?
Оставив серьги с письмом на стуле,
Он даму в белом ушёл искать.*

*Теперь она, пускай богата,
Поёт в кафе всегда о том,
Что нет уж больше музыканта,
А есть у дамы мажордом.*

Катание на красном рояле

*Мы катались на красном рояле
В начищенных кирзовых сапогах
Для вас, господа, чтоб слышали,
Как рыкает революционный Бах,*

*Как стёкла из окон летят и бьются
О головы протрезвляющихся невер,
Но поздно — сквозняк революции
Захлопнул обратную дверь.*

*Теперь ваши пальцы б рады,
Разнежась, промчат романс,
Но клавиши — место парадов
Заветное нынче у нас.*

*Катанье на красном рояле,
Такое вам снилось едва ль?
Да вы и не представляли,
Что красным быть может рояль!*

*А мы на таком вот рояле
Из бахов состряпали марши,
Завывшие струны порвали,
Чем цели добились не нашей!*

*Катанье на красном рояле,
Такое нам снилось едва ль,
Да мы и не представляли,
Что красным быть может рояль.*

Подмастерье в «Цеху поэтов»⁵

III

*«Мне отрубили голову, и я
(весь), истекая кровью, аплодирую»,
«Палач» раскланивается, гибкий, как змея,
Взмахнувши палочкой волшебною — секирою.*

*Я вижу, кровь моя размашисто, ветвисто
Течёт по солнцем обожжённому песку,
С гуденьем сводов, пением и свистом
Выводит ярко за строкой строку.*

*Палач бледнеет. И, взмахнув секирою,
Мне голову он рубит вновь,
А я невозмутимо аплодирую:
Живой водою пишет моя кровь.*

V

*«Высокий, стройный, сильный
с закрученными русыми усами»,
Он гонок чемпион автомобильный,
Летающий к тому ж на аэроплане.*

*А вечером, в кафе, где пурпур, позолота,
Шампанское с друзьями распивает он,
Рассказывая об опасностях полёта...
Чтоб дама слышала поодаль за столом.*

*Она вздохнёт, посмотрит замогильно,
Нагие плечи нежа соболями,
И он поклонится ей, стройный, сильный,
С закрученными русыми усами.*

* * *

Шахматная доска

Чёрные квадраты мрака,
 Белые квадраты солнц,
 Лабиринт от шаха и до мата —
 Почему не пробил гонг?
 Белые квадраты — вьюги,
 Чёрные — квадраты бездн,
 Чёрен так кромешино уголь,
 Бел — берёзовый так лес.
 Конница везде прорвётся,
 Ход конём — излюбленный конёк,
 Чёрные квадраты — вглубь колодцы,
 Белые — фонтаном родничок.
 Не равны король и королева.
 Кто из них главнее всё ж?
 Шаг неверный вправо, влево —
 И страшнее яда ложь.
 Черные — провалы в подземелье,
 Кругл сияющий квадрат,
 А с печи какой-нибудь Емеля
 И гроссмейстеру объявит мат.

Белые — проходы в поднебесье,
 Кругл сияющий квадрат,
 Партию играют там созвездья —
 Гибнут звёзды, ежели им мат.
 Чёрные квадраты — в сфере дыры,
 Белые — во времени портал,
 Время и пространство застолбили,
 Шахматист их на себе распял.

Примечание

- 1 Перо (жарг.) — нож.
- 2 Клифт (жарг.) — одежда, чаще так называют пиджак.
- 3 Рыжьё (жарг.) — золото.
- 4 Каннабис — конопля.
- 5 Первые две строки стихотворений этого цикла взяты из прозы Николая Гумилёва «Записки кавалериста» или «Африканская охота».

□

Маргарита Станиславовна СОСНИЦКАЯ

родилась в Луганской обл. Украинской ССР.

Окончила Литературный институт им. А.М. Горького.

Поэт, прозаик, публицист, переводчик.

Автор поэтических книг «Опиум отечества»,

«Молоко Жарь птицы», «Молчание Кассандры»;

книг прозы, в числе которых роман «София и жизнь» (2003), сборники

«Чётки фортуны» (2008), «Записки на обочине»,

«Трава под снегом», «Книга Притч» (2002, 2004 и 2008),

двух книг «Сказки нашего времени»

(2016; 2019 — совм. с Е.М. Глазковой),

а также сборника хайку «Стихи на веере», азбуки сюжетных

и психологических архетипов «Ход куклой» и пр.

Публиковалась в журналах «Юность», «Север», «Дон»,

«Культурное наследие России» и др.,

в альманахах и коллективных сборниках.

На фестивале «Золотой витязь» (2016) отмечена Бронзовым витязем,

удостоена премии II степени в номинации «Драматургия» на фестивале

«Интеллигентный сезон» (2019, г. Саки).

Член Союза писателей России.

